

Спасский А. А. Кому принадлежат четвертая и пятая книги св. Василия Великого против Евномия? (Библиографическая справка) // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 9. С. 79–106 (3-я пагин.).

Кому принадлежать четвертая и пятая книги св. Василия Великого против Евномия?

(Библиографическая справка).

Habent libelli sua fata.

Среди литературных памятников, оставленных нашему времени древнею церковью, особую группу образуют собой такъ называемые *pseudepigrapha* или *ложнонадписанные*. Этимъ терминомъ обозначаются сочиненія, дошедшія до насъ въ рукописяхъ подъ именемъ какого-либо исторически извѣстнаго церковнаго писателя, но на самомъ дѣлѣ ему несомнѣнно не принадлежація, а появившіяся значительно позднѣе, иногда нѣсколькими вѣками спустя послѣ его смерти. Такихъ ложно надписанныхъ сочиненій очень много: по большей части они сопровождаютъ собою литературное наслѣдіе наиболѣе знаменитыхъ, пользовавшихся глубокимъ уваженіемъ церковныхъ дѣятелей, не уступая, а иногда и превосходя своимъ объемомъ ихъ подлинныя творенія ¹⁾. Никто и никогда не задавался цѣлю на основаніи историч. рукописей точно опредѣлить условія, способствовавшія возникновенію этой массы подложнаго матеріала въ памятникахъ древне-церковной письменности, да такая задача едва ли и осуществима въ виду того, что рукописей древнихъ въ строгомъ смыслѣ, современныхъ напр. писателямъ первыхъ четырехъ вѣковъ, почти совсѣмъ не получено. Впрочемъ, общія причины, вызвавшія разсматриваемое явленіе, достаточно ясны уже изъ самой постановки книжнаго дѣла

¹⁾ Какъ это наблюдается въ отношеніи напр. къ св. Іустину Философу, Аванасію Александрійскому и др.

въ древности. Въ тѣ вѣка, когда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе, и книгу замѣняла собой рукопись, которую достать и приобрести было и дорого, и трудно, судьба литературнаго произведенія всецѣло находилась въ рукахъ переписчиковъ. Переписчиковъ же было мало, да и тѣ, какіе имѣлись, не отличались желательной опытностью, а иногда и не владѣли надлежащей грамотностью. Читая сочиненія древнихъ церковныхъ писателей, мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на жалобы, что хорошихъ переписчиковъ достать негдѣ, что имѣющіеся переписчики ведутъ дѣло небрежно, „пишутъ не то, что видятъ и, стараясь исправить чужія ошибки, обнаруживаютъ свои“ ¹⁾. Работавшій механически, ради одного пропитанія, малограмотный переписчикъ прежде всего заинтересованъ былъ спѣшностію переписки, скорѣйшимъ ея выполненіемъ, и въ погонѣ за заработкомъ плохо разбиралъ слова оригинала, переплывалъ ихъ по своему пропускалъ и переставлялъ цѣлыя фразы и отдѣлы. Слѣдующій за нимъ копіистъ вносилъ новыя ошибки, и такъ какъ оригиналы, приготовленные подъ наблюденіемъ самого автора, сохранялись недолго и были рѣдки, то порча съ каждымъ новымъ переписчикомъ усиливалась и постепенно искажала первоначальный видъ сочиненія. При этомъ естественно было, что искаженію подвергался не только текстъ сочиненія, но и его надписаніе; въ древней церкви очень рано вошло въ обычай писать заглавія книгъ особымъ вычурнымъ почеркомъ со всевозможными каллиграфическими украшеніями, сокращеніями и титлами, которыя способны поставить въ тупикъ даже искушеннаго въ своемъ дѣлѣ палеографа. Но если современный палеографъ приступаетъ къ рукописямъ, вооруженный научными пособіями и руководствами, помогающими ему хорошо справиться съ затрудненіями, то у древняго, малограмотнаго и малоопытнаго переписчика не было иного способа выпутаться изъ нихъ, кромѣ собственной догадливости. Встрѣчая въ оригиналѣ неразборчивое или слишкомъ витіевато написанное имя автора, древній переписчикъ или

¹⁾ Слова блаж. Іеронима. (Твор. II, 259). Съ этой стороны книжнаго дѣла въ церковной древности можно ознакомиться по очерку проф. А. П. Лебедева: „Профессія церковнаго писателя и книжное дѣло въ древнехристіанское время“.

безотчетно копировать его, при чемъ одна буква оригинала легко могла обратиться въ другую, или по своему усмотрѣнiю исправлялъ и пополнялъ его съ цѣлю сдѣлать болѣе удобнымъ для чтенiя; въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствительный заголовокъ сочиненiя искажался, и подлинное имя автора могло измѣниться до неузнаваемости. Нерѣдко судьбу древней книги рѣшало то обстоятельство, что въ кодексѣ, принадлежавшемъ переписчику, она была присоединена къ большому собранiю творенiй какого-либо другаго писателя; спѣшно копируя одинъ за другимъ помѣщенные въ оригиналѣ памятники, переписчикъ механически выставлялъ и на этой книгѣ то имя, какое стояло на всемъ кодексѣ. Эта послѣдняя ошибка наиболѣе часто должна была повторяться тамъ, гдѣ присоединенное къ большому собранiю сочиненiе почему-либо оставалось безъ обозначенiя имени его автора: тогда догадливость переписчика получала даже нѣкоторыя права на свое проявленiе. Быть можетъ, этимъ именно и нужно объяснять себѣ тотъ фактъ, что главная масса подложныхъ сочиненiй дошла до насъ подъ именами знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей церкви, литературные труды которыхъ пользовались широкою распространенностью; для творенiй такихъ писателей обыкновенно заготовлялись нарочитые, объемистые кодексы, а затѣмъ на оставшихся свободными листахъ писались уже другiя, болѣе мелкiя и малозвѣстныя сочиненiя, которыя потомъ, догадливостью дальнѣйшихъ копистовъ, и усвоились одному и тому же автору. Но не одни переписчики были виновны въ порчѣ подлинныхъ надписанiй: въ древней церкви имѣли мѣсто случаи сознательнаго, умышеннаго литературнаго подлога, преслѣдовавшаго цѣли мало похвальныя или прямо злокозненныя. Такъ напр. св. Василию Великому, еще при жизни, пришлось испытать слѣдующее: въ 70-хъ годахъ IV вѣка, послѣ разрыва его съ Евстаѣемъ Севастiйскимъ, приверженцы послѣдняго сумѣли распространить въ публикѣ какое-то письмо съ именемъ Василiя, содержащее въ себѣ еретическiя мысли, въ расчетѣ подорвать авторитетъ Кесарiйскаго епископа. Василiй Великiй рѣшительно объявилъ письмо неподлиннымъ т. е. непринадлежащимъ ему, однако продолжка севастиѣцевъ не осталась безъ послѣдствiй и причинила ему не мало огорченiй. Письмо это сохранилось и

до нашего времени ¹⁾. Еще смѣлѣе севастійцевъ поступили ученики Аполлинарія Лаодикійскаго съ произведеніями своего учителя. Хорошо понимая, что послѣ осужденія ученія Аполлинарія на различныхъ соборахъ конца IV вѣка, его сочиненія не найдутъ для себя широкаго круга читателей среди православныхъ, они надписали ихъ именами великихъ отцовъ и учителей церкви, какъ-то: Григорія Чудотворца, Аванасія Александрійскаго, Юлія, папы римскаго, и въ такомъ видѣ пустили ихъ въ обращеніе ²⁾. Планъ оказался необыкновенно удачнымъ: подъ защитой великихъ именъ сочиненія Аполлинарія пошли въ ходъ среди любителей святоотеческаго чтенія и ввели въ заблужденіе не только обыкновенныхъ читателей, но и такихъ знатоковъ церковной литературы своего времени, какъ св. Кириллъ Александрійскій, который со спокойной совѣстію пользовался ими, принимая ихъ за подлинныя творенія своего великаго предшественника по кафедрѣ, св. Аванасія ³⁾. Позднѣ, въ VI и VII вѣкахъ, эти подложныя сочиненія Аполлинарія, какъ извѣстно дали въ себѣ сильное орудіе монофизитамъ въ ихъ борьбѣ противъ опредѣленій Халкидонскаго собора и потребовали много трудовъ отъ православныхъ полемистовъ, старавшихся раскрыть ихъ неподлинность.—При рѣдкости рукописей въ древней церкви и отсутствіи критическаго къ нимъ отношенія, всякій разъ сдѣланный подлогъ, случайный или умысленный, долженъ былъ роковымъ образомъ вліять на послѣдующую судьбу сочиненія. Ни переписчикъ, ни читатель того времени не имѣли побужденій сомнѣваться въ правильности ошибочнаго надписанія и подвергать его провѣркѣ. Переписчикъ обязывался только точно переписать предложенный ему оригиналъ, и онъ добросовѣстно вышолнялъ свою

¹⁾ Письмо это издано было въ 1796 г. Леопольдомъ Севастьяни подъ заглавіемъ „Epistola ad Apollinarem Laodicenum de divina essentia, divi Basilii nomina ab Eustaphio Sebasteno... vulgata“,—теперь чрезвычайно рѣдкой брошюрѣ,—и перепечатано у Loofs'a въ его „Eustaphius von Sebaste“ Halle, 1898 s. 71—73.

²⁾ Подробную исторію этого факта см. въ нашемъ сочиненіи: „Аполлинарій Лаодикійскій. Историческая судьба его сочиненій“, Сергіевъ пос., 1895, стр. 90—134.

³⁾ Какъ судить объ этомъ, см. въ нашемъ сочиненіи объ Аполлинарiи стр. 188. 189.

обязанность, если не вносилъ въ рукопись новыхъ ошибокъ. Правила для каллиграфическихъ школъ, практиковавшіяся напр. въ византійскихъ монастыряхъ, даже прямо запрещали переписчикамъ пускаться въ какія-либо исправленія, требуя отъ нихъ фотографически точнаго воспроизведенія манускриптовъ и карая за малѣйшее опущеніе не только въ фразахъ и словахъ, но и въ знакахъ препинанія. Что же касается до тогдашней читающей публики, то она представляла собой почву, весьма благопріятную для распространенія литературныхъ подлоговъ. Средневѣковый читатель смотрѣлъ на книгу иначе, чѣмъ смотреть на нее современный изслѣдователь древне-церковной письменности. Въ то доброе, старое время видѣли въ книгѣ прежде всего учительницу благочестія, цѣнили ее не какъ памятникъ извѣстной эпохи, не какъ историческій документъ, а какъ руководство къ самоназиданію, и потому заботились не о томъ, чтобы установить напр. ея подлинность или обстоятельства происхожденія, а о томъ, чтобы извлечь изъ нея все душеспасительное, пригодное къ исправленію мысли и поведенія. Потребность взглянуть на книгу съ объективно-исторической точки зрѣнія, опредѣлить степень ея достовѣрности, провѣрить текстъ и разобраться въ его указаніяхъ возникала тамъ очень рѣдко, при исключительныхъ обстоятельствахъ. Вообще же говоря, для древняго читателя, искавшаго въ книгахъ поученія и назиданія, важно было не то, кому дѣйствительно принадлежало данное сочиненіе, а то, что въ надписаніи его значилось имя какого-либо извѣстнаго церковнаго писателя, ручавшееся за доброкачественность его содержанія. Чѣмъ выше и почтеннѣе было это имя, тѣмъ глубже становилось его благоговѣніе къ книгѣ, тѣмъ охотнѣе онъ приобрѣталъ ее, и тѣмъ меньше оставалось мѣста для какихъ-либо сомнѣній и критическихъ вопросовъ. Увращенный именемъ великаго отца церкви заголовокъ рукописи уже заранѣе освящалъ ея содержаніе и располагалъ къ полному довѣрію къ нему, исключавшему всякой скептицизмъ. Поэтому-то, въ сужденіи древняго читателя подлогъ сочиненія какого-либо малоизвѣстнаго писателя въ рядъ твореній знаменитыхъ дѣятелей церкви могъ только возвышать его цѣнность и содѣйствовать наибольшему распространенію. Въ этомъ отношеніи,—можно сказать,—древняя фальсиф-

фикація надписаній сослужила немалую службу предъ повѣйшей наукой. При исключительно религіозномъ интересѣ, опредѣлявшемъ собой любознательность древняго читателя и сосредоточивавшемъ его вниманіе лишь на твореніяхъ наиболѣе знаменитыхъ писателей, всѣ эти сочиненія малоизвѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ авторовъ, дошедшія теперь среди *pseudepigrapha*, были бы забыты и погибли безслѣдно для будущаго, если бы ихъ не защищало уваженіе къ великимъ именамъ, значащимся въ ихъ надписаніи, побуждавшее средневѣковаго читателя переписывать и приобрѣтать ихъ.

Критическое изученіе памятниковъ древней церкви впервые возникло въ эпоху возрожденія искусствъ и наукъ на западѣ и упрочилось со времени религіозныхъ споровъ, поднятыхъ реформаціей. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія книга скоро вытѣснила собой рукопись, и стараго перепищика смѣнилъ ученый издатель, который своей типографскій стапокъ пускалъ въ ходъ не прежде, какъ увѣрившись въ подлинности и достовѣрности печатаемаго матеріала, подвергнувъ его строгой предварительной цензурѣ со стороны ево текста и происхожденія. Начатая съ тѣхъ поръ критическая разработка книжнаго наслѣдія древней церкви продолжается безостановочно и до нынѣ, при чемъ прямымъ ее послѣдствіемъ и было выдѣленіе въ памятникахъ церковной письменности сомнительнаго и подложнаго матеріала отъ подлиннаго въ особую группу *pseudepigrapha*. Такимъ образомъ, *pseudepigrapha* являются въ нѣкоторомъ смыслѣ открытіемъ новаго времени, результатомъ повѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, о которомъ мало догадывался древній доверчивый читатель церковной литературы. Въ отношеніи къ этой новой группѣ, церковнаго наслѣдія современная наука поставляетъ главнымъ образомъ двѣ задачи: во-первыхъ, со всею несомнѣнностью доказать непринадлежность такихъ сочиненій тѣмъ лицамъ, подъ именемъ которыхъ они дошли до насъ, а во-вторыхъ, открыть время ихъ происхожденія и, если есть на то данныя, то имя ихъ дѣйствительнаго автора. Первая задача важна не только въ научныхъ интересахъ, но и въ видахъ востановленія чести церковныхъ дѣятелей. Какъ мы имѣли случай замѣтить, подложныя сочиненія въ главной своей массѣ сопровож-

дают творенія великихъ отцовъ и учителей церкви, по качеству своего содержанія они далеко не отвѣчаютъ достоинству тѣхъ лицъ, имена которыхъ посятъ на себѣ. Такъ напр. если бы кто-нибудь задумалъ возстановить ученіе св. Аѳанасія Александрійскаго о Лицѣ Богочеловѣка на основаніи *всего* письменнаго матеріала, сохранившагося съ его именемъ, то онъ долженъ былъ бы приписать ему если не монофизитскія, то по крайней мѣрѣ аполлинаріанскія воззрѣнія,—потому что нѣкоторыя изъ ложно надписанныхъ его именемъ сочиненія проводятъ прямо такія воззрѣнія. Эта первая задача,—задача выдѣленія подлиннаго матеріала отъ подложнаго,—рѣшается сравнительно легко; по большей части подложныя сочиненія въ себѣ самихъ уже заключаютъ яркія доказательства своей неподлинности, не соответствуя ни стилю, ни общему содержанію, ни частнымъ мыслямъ твореній, несомнѣнно принадлежащихъ извѣстному автору. Когда напр. въ книгѣ съ именемъ Юстина Философа († 165) читатель встрѣчаетъ ученіе о св. Троицѣ, изложенное съ такою точностью и опредѣленностью, какая была не доступна ни св. Аѳанасію, ни Каппадокійцамъ и установилась только по завершеніи тринитарныхъ споровъ IV вѣка, то для него не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ подлогомъ, а не съ писателемъ, скончавшемся въ половинѣ втораго вѣка. Гораздо труднѣе достигается другая задача, предъявляемая наукой къ *pseudepigrapha*, т. е. установка ихъ времени происхожденія и имени дѣйствительнаго автора. Заключая въ самихъ себѣ свидѣтельство своей неподлинности, подложныя сочиненія, однако, не даютъ въ своемъ содержаніи почти никакихъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить ихъ вѣкъ и догадаться о личности ихъ автора. Самый подлогъ такихъ сочиненій въ число твореній, принадлежащихъ другому писателю, иногда жившему вѣками ранѣе ихъ появленія, возможенъ былъ, конечно, только потому, что они по своему характеру лишены были всякой исторической индивидуальности, связывающей книгу съ определенной эпохой и извѣстнымъ лицомъ. Это—своего рода блуждающія кометы на небѣ церковной письменности, не имѣющія для себя надежнаго пристанища, относительно которыхъ не извѣстно, откуда они появляются и гдѣ исчезаютъ. Разгадать

ихъ дѣйствительную исторію—дѣло, поэтому, весьма нелегкое; для этого требуется не только работа въ собственномъ смыслѣ скрупулезная, не только вниманіе къ самымъ незначительнымъ мелочамъ сочиненія, къ каждому малѣйшему намеку на обстоятельства, современныя его происхожденію, а нужна еще помощь счастливой догадливости, удачной комбинаціи, вообще, того сочетанія случайностей, которое лежитъ въ основѣ всякихъ открытій. Но и при всѣхъ этихъ трудностяхъ, соединенныхъ съ изслѣдованіемъ подложныхъ сочиненій со стороны ихъ происхожденія, старанія науки не остаются и въ этомъ направленіи совсѣмъ бесплодными: мракъ, окутывающій *pseudepigrapha*, мало по малу разсѣвается, ихъ прошлая судьба разъясняется, и они возвращаются по принадлежности тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя и были ихъ дѣйствительными авторами. Укажемъ для примѣра на два такихъ случая, падающихъ на сравнительно недавнее время. Такъ въ 1879-мъ году шведскій ученый Каспари въ своемъ трудѣ по исторіи древнихъ символовъ ¹⁾ неопровержимо доказалъ, что издавна интересовавшее ученыхъ древне-церковное сочиненіе „*Ἡ κατά μέροσ πίστιс* (Подробное изложеніе вѣры)“, сохранившееся до насъ съ именемъ св. Григорія Чудотворца, принадлежитъ никому другому, какъ Аполлинарію Лаодикійскому, жившему столѣтъ спустя послѣ Григорія. Безповоротно установивши этотъ результатъ, изслѣдованіе Каспари вмѣстѣ съ тѣмъ бросило яркій свѣтъ и на всю прошлую судьбу Аполлинаріевыхъ сочиненій; оно именно поставило внѣ всякаго сомнѣнія упомянутый нами выше фактъ подлога книгъ Аполлинаріевыхъ подъ имена отцевъ и учителей церкви,—фактъ, о которомъ догадывались еще въ V—VII вѣкахъ, но окончательно подтвердить который удалось только Каспари. По слѣдамъ Каспари пошли другіе ученые, и въ настоящее время Аполлинарію приписывается на болѣе или менѣе твердыхъ основаніяхъ до десяти цѣльныхъ сочиненій, дошедшихъ въ числѣ *pseudepigrapha* ²⁾. Другимъ примѣромъ, аналогичнымъ произведеніямъ Аполлинарія, является судьба одного сочине-

¹⁾ Quaspari. Alte und neue Quelle zur Geschichte d. Taufsymbols und Glaubensregel. Christiania. 1879; s. 65—146.

²⁾ Подробности см. въ нашемъ сочиненіи объ Аполлинаріи.

нія блаж. Θεодорита „о святой и животворящей Троицѣ и вочеловѣченіи Господа“. Оно издано было въ первыйъ разъ въ 1833 году извѣстнымъ кардиналомъ Маемъ подъ именемъ св. Кирилла Александрійскаго, подъ которымъ оно и сохранилось въ рукописи Ватиканской бібліотеки ¹⁾). До 1888 года никому и въ голову не приходило, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подложнымъ сочиненіемъ, совсѣмъ не принадлежащимъ св. Кириллу. Въ этомъ году на сочиненіе о Троицѣ обратить вниманіе нѣмецкій ученый А. Эргардтъ и, раскрывъ его подложность, высказалъ предположеніе о принадлежности его Θεодориту Кирскому ²⁾, которое затѣмъ и было подробно аргументировано уже въ русскомъ изслѣдованіи о Θεодоритѣ проф. Н. Н. Глубоковскаго ³⁾. Въ данномъ примѣрѣ интересна своеобразная игра случая, сохранившая сочиненіе Θεодорита подъ защитой имени его догматическаго антипода ⁴⁾.

Такую же судьбу, какая выпала на долю сейчасъ упомянутыхъ сочиненій Аполлинарія и Θεодорита, пережили въ своей исторіи и двѣ послѣднія (четвертая и пятая) книги св. Василія Великаго противъ Евномія, къ которымъ собственно и направляется наша рѣчь. Читатели „Богослов. Вѣстника“ уже получили третью часть твореній св. Василія въ русскомъ переводѣ, заключающую въ себѣ между прочимъ и эти двѣ книги, а нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, успѣли ознакомиться и съ ихъ содержаніемъ. Поэтому,—полагаемъ,—для многихъ изъ читателей журнала будетъ не бесполезно и не безынтересно освѣдомиться о современномъ состояніи въ наукѣ вопроса о томъ, могутъ-ли быть эти двѣ книги приписываемы Василію Великому и, если нѣтъ, то кто былъ ихъ дѣйствительнымъ авторомъ? Такъ какъ, конечно, далеко не все равно, читать-ли несомнѣнно подлинное твореніе великаго отца вселенской церкви, или имѣть дѣло съ другимъ авторомъ, не обладающимъ никакимъ церковнымъ авторитетомъ. Къ тому же судьба этихъ двухъ книгъ выяснилась въ наукѣ очень недавно и

1) *Scriptorum veterum nova collectio*, t. VIII, 2. Romae.

2) Albert Ehrhardt. *Theolog. Quartal—Schrift*, 1888, s. 646 fg.

3) Блаж. Θεодоритъ, епископъ Кирскій. Москва, 1890. т. 2, стр. 89 сл.

4) Впрочемъ, этотъ результатъ нуждается еще въ новомъ пересмотрѣ.

составляетъ въ извѣстной степени ученую новинку, не лишнюю и самостоятельнаго интереса ¹⁾).

Итакъ, могутъ-ли послѣднія двѣ книги противъ Евномія, дошедшія до насъ съ именемъ Василія Великаго, приписываемы быть дѣйствительно этому отцу?

Что Василій Великій составилъ превосходныя книги противъ Евномія, объ этомъ свидѣлствуетъ намъ цѣлый рядъ непререкаемыхъ извѣстій древности, и что въ первыхъ трехъ книгахъ, отличающихся единствомъ и законченностію содержания, мы владѣемъ подлиннымъ твореніемъ Кесарійскаго епископа, въ этомъ съ такою же несомнѣнностію убѣждаютъ насъ выдержки изъ нихъ, приводимыя братомъ Василія, св. Григоріемъ Нисскимъ ²⁾). Но сколько книгъ числомъ было издано Василіемъ противъ Евномія, о томъ молчатъ и Григорій Нисскій, и всѣ прочіе современники Василія. Только на основаніи нѣкоторыхъ побочныхъ указаній можно полагать, что лишь въ VI вѣкѣ, т. е. два вѣка уже спустя послѣ смерти Василія, въ церковномъ обращеніи находились всѣ теперешнія пять книгъ противъ Евномія ³⁾, и что въ этомъ же составѣ знали Василіево сочиненіе и извѣстный библіофилъ патріархъ Фотій ⁴⁾). Не подлежитъ сомнѣнію, далѣе, и то, что средневѣковая греческая церковь читала также *пять* книгъ противъ Евномія, такъ какъ во всѣхъ извѣстныхъ въ настоящее время греческихъ рукописяхъ твореній св. Василія двѣ послѣднихъ книги приписываются именно ему, и притомъ всегда въ качествѣ четвертой и пятой части одного и того же сочиненія. Правда, Комбефизъ,—ученый XVI вѣка,—въ свое время заявлялъ, что онъ не нашелъ двухъ послѣднихъ книгъ въ одномъ важномъ манускриптѣ Парижской королевской (теперь: націо-

¹⁾ Вопроса о четвертой и пятой книгахъ противъ Евномія мы имѣли случай *кратко* коснуться въ своемъ сочиненіи объ Аполлинаріи. Возвращаемся вновь къ нему, во-первыхъ, въ силу указаннаго сейчасъ мотива и изъ желанія обсудить дѣло подробнѣе,—во-вторыхъ, потому, что вопросъ объ этихъ книгахъ съ тѣхъ поръ получилъ болѣе широкую и твердую постановку.

²⁾ См. въ русс. пер. твореній св. Григорія Нисскаго, ч. V, стр. 204, 212, 259; ч. VI, стр. 8, 9, 126, 55 и др.

³⁾ Объ этомъ ниже.

⁴⁾ Photii Bibliotheca, ed. Beckeri, p. 264.

нальной) библиотеки, но это показание Комбефиза впоследствии не подтвердилось; напротив оказалось, что все шесть кодексов Василиевых творений, существующие в названной библиотеке, содержали в себе полностью теперешние пять книг его против Евномия¹⁾. Таким образом, рукописное предание древности решительно стоит на стороне принадлежности Василию всех пяти книг против Евномия; во всех манускриптах последние две книги значатся, как подлинное творение Василия, и предлагаются, как продолжение первых трех, составляющее одно с ним сочинение.—Однако, как ни единодушно свидетельство рукописей в пользу авторства Василия, оно все же само по себе было недостаточно для того, чтобы окончательно установить принадлежность ему всех пяти книг. Не говоря уже о том, что предание древности о четвертой и пятой книгах возникает поздно и не восходит даже VI-го столетия, неустранимые сомнения к себе оно вызывает тем, что не находит ни малейшей опоры в содержании этих книг. Еще в средневековой греческой церкви, даже при той незначительной доле критицизма, какая возможна была тогда, было уже замечено несоответствие четвертой и пятой книг первым трем, и суждения о них стали колебаться. Приписка, сделанная одним средневековым читателем на парижском кодексе творений Василия пред началом четвертой книги против Евномия, гласит: „объ этой книге у многих существует различное мнение; одни приписывают св. Василию, другие же отвергают это, хотя и не осуждают (книгу), как бы содержащую нечто абсурдное²⁾“. В новое же время споры относительно последних двух книг открылись с самых первых печатных изданий творений св. Василия. Так старейшее издание, сделанное в Париже в 1518-м году, содержит в себе пять книг против Евномия³⁾, но в издании, опубликованном в Венеции в

1) См. Basilii Magni opera omnia, Par. 1721; praefatio Garnieri, t. 1, p. XII; у Migne, gr. s., t. 29.

2) Ibid.

3) Это издание, составляющее антикварную драгоценность, имеется в нашей (Московской) академической библиотеке. О библиографической редкости его можно судить по тому, что оно было недоступно ни Фабрицию,

1535 году имѣются только первыя три книги, послѣднія же двѣ книги устранены, очевидно, потому, что признаны были издателемъ наподлинными ¹⁾. Впрочемъ, уступая авторитету рукописей, большинство ученыхъ XVI и XVII вѣковъ продолжали все пять книгъ усвоить авторству св. Василия, такъ что во всѣхъ, довольно многочисленныхъ, изданіяхъ твореній Василия, падающихъ на это время, послѣднія двѣ книги помѣщаются, какъ несомнѣнно принадлежащее ему сочиненіе. Въ первый разъ научную разработку вопросъ о четвертой и пятой книгахъ получилъ въ началѣ XVIII-го вѣка у ученаго бенедиктинца (члена конгрегации св. Марка), Юліана Гарнье ²⁾. Занявшись тщательнымъ изученіемъ твореній св. Василия для новаго ихъ изданія, предпринятаго орденомъ, Гарнье пришелъ къ непоколебимому убѣжденію въ непринадлежности Василию послѣднихъ двухъ книгъ противъ Евномія, и результаты своихъ наблюденій опубликовалъ въ обширномъ Praefatio (предисловіи), предваряющемъ первый томъ его знаменитаго изданія. Въ исторіи разсматриваемаго вопроса изслѣдованіе Гарнье имѣло рѣшающее значеніе: если ранѣе большая часть ученыхъ находила возможнымъ принимать свидѣтельство манускриптовъ о принадлежности Василию всѣхъ пяти книгъ, то теперь, послѣ доводовъ Гарнье, общее мнѣніе ученаго міра склонилось въ сторону противоположную. Насколько убѣдительны были доказательства, предъявленные у Гарнье, объ этомъ можно судить по примѣру его преемника Марана, взявшагося за продолженіе изданія Василия, котораго Гарнье не успѣлъ закончить вслѣдствіе болѣзни и смерти. Маранъ задаясь было мыслью отвергнуть заключенія Гарнье, и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ ему, дѣйствительно, удалось ослабить доводы своего противника, но въ общемъ его попытка оказалась такъ

ни бенедиктинцамъ. У нихъ „editio, quae omnium prima putatur“—Парижское 1532 года т. е. на 14 лѣтъ позднѣе указываемаго нами.

¹⁾ И это изданіе находится въ нашей библіотекѣ. Оно замѣчательно по особенностямъ своего шрифта, увѣковѣчивающаго красоты греческой каллиграфіи.

²⁾ Юліана Гарнье, умершаго въ 1725 г., нужно отличать отъ Іоанна Гарнье († 1681), іезуита, издателя твореній нѣкоторыхъ западныхъ писателей и дополнительнаго тома къ твореніямъ блаж. Феодорита. Труды Іоанна Гарнье не пользуются авторитетомъ въ наукѣ.

малоуспѣшной, что не убѣдила его самого; въ концѣ концовъ самъ Маранъ долженъ былъ признать, что стиль и языкъ послѣднихъ двухъ книгъ противъ Евномія рѣзко отличается отъ языка и стиля первыхъ трехъ книгъ и что текстъ св. Писанія, какимъ пользуется св. Василиій въ своихъ подлинныхъ сочиненіяхъ, иной по сравненію съ текстомъ четвертой и пятой книгъ ¹⁾. Со времени упомянутыхъ сейчасъ ученыхъ вопросовъ о принадлежности послѣднихъ двухъ книгъ Василию уже болѣе не подвергался подробному изслѣдованію, и отрицательный результатъ Гарнье постепенно становился общимъ достояніемъ науки. Въ настоящее время убѣжденіе въ непринадлежности Василию этихъ книгъ стоитъ столь прочно, что новѣйшее изданіе твореній Василія, сдѣланное Гольдгорномъ, предлагаетъ въ себѣ только первыя три книги ²⁾. Выводъ, признанный западной наукой въ отношеніи къ этому сочиненію Василія, давно былъ усвоенъ и русской церковно-исторической литературой; такъ „Историческое ученіе объ отцахъ Церкви“ преосв. Филарета Черныговскаго приписываетъ Василию только три книги противъ Евномія ³⁾.

Чтобы увѣриться въ дѣйствительной непринадлежности четвертой и пятой книгъ противъ Евномія св. Василию, для этого нѣтъ надобности въ какихъ-либо сложныхъ соображеніяхъ и искусственныхъ комбинаціяхъ. Въ примѣненіи къ нимъ съ полною силой наблюдается то отмѣченное выше явленіе, что подложныя сочиненія въ себѣ самихъ заключаютъ явныя доказательства своей неподлинности, изобличая себя всѣми своими особенностями. Сравнивая послѣднія двѣ книги противъ Евномія съ первыми тремя, несомнѣнно принадлежащими Василию, легко можно видѣть, что ни въ общемъ характерѣ содержанія и изложенія, ни въ частныхъ подробностяхъ между ними нѣтъ ничего общаго. И прежде

¹⁾ См. Marani, vita Basilii, c. XLIII, 7.

²⁾ у Тило „Bibliothek. patr. dogm.“, Leipzig, 1854, t. 11.

³⁾ „Нынѣ извѣстныя,—пишетъ преосв. Филаретъ,—послѣднія два слова противъ Евномія, ни по чему не могутъ назваться сочиненіемъ Василія,—ни по частнымъ выраженіемъ, ни по слогу, ни по порядку, ни по доказательствамъ; это не болѣе, какъ сборникъ кое-какихъ замѣчаній противъ Евномія“. Ист. уч. объ оо. церкви, т. 2., стр. 134, прим. 86. СПб., 1859.

всего, вопреки свидѣтельству рукописей, послѣднія двѣ книги никоимъ образомъ не могутъ считаться *продолженіемъ* первыхъ трехъ, составляющихъ съ ними одно и тоже сочиненіе, потому что онѣ рѣшительно не соотвѣтствуютъ тѣмъ цѣлямъ, какія намѣчаль себѣ св. Василій, вступая въ полемику съ Евноміемъ. Возможно точное опредѣленіе этихъ цѣлей даетъ самъ Василій въ началѣ своей первой книги противъ Евномія: „Евномій, — говоритъ онъ здѣсь, — предпочтя случай прославиться *писаніемъ*, на какое никто еще другой не отваживался, до того провознесся, что въ этомъ блистательномъ *сочиненіи* въ слухъ всѣхъ высказалъ хулу, которую дотолѣ едва выговаривалъ...; его-то изобличить предстоитъ намъ теперь трудъ... Постараюсь привести въ ясность для всѣхъ ту хулу, какую изглаголатъ онъ на высоту Единороднаго“ ¹⁾. Такимъ образомъ, по замыслу самого Василія, его полемическій трудъ противъ Евномія долженъ былъ представлять собой нечто иное, какъ критическій разборъ сочиненія этого ересіарха, изданнаго имъ подъ именемъ „Апологетика“ т. е. въ защиту своего ученія. Эту задачу и выполняютъ первыя три книги. Poleмику съ Евноміемъ св. Василій начинаетъ тѣмъ, что подвергаетъ разбору „самую надпись“ Евноміева сочиненія (т. е. названіе его Апологетикомъ) и, затѣмъ, выписываетъ буквально, одно за другимъ, важнѣйшія мѣста его, тотчасъ же предлагая на нихъ опроверженіе. Никакихъ другихъ ересей, кромѣ евноміанства, первыя три книги не затрагиваютъ: онѣ имѣютъ дѣло исключительно съ Евноміемъ и его Апологетикомъ и по своей внѣшней формѣ являются какъ бы діалогомъ, въ которомъ бесѣдующими лицами выступаютъ самъ Василій и его противникъ. При этомъ, въ первой книгѣ, на основаніи собственныхъ словъ Евномія, разсматривается его ученіе о существѣ Божіемъ и Богъ Отцъ, во второй — о Сынѣ Божіемъ, въ третьей — о Духѣ Святомъ, такъ что въ первыхъ трехъ книгахъ уже въ совершенствѣ исчерпывается та задача, какую поставлялъ себѣ Василій, приступая къ полемикѣ съ Евноміемъ. Все, что требовалось этой задачей,

¹⁾ Твор. св. Василія Великаго, ч. III-я, стр. 6. Эта, какъ и всѣ прочія цитаты изъ твореній Василія, относится къ третьему изданію ихъ. (Москва, 1891).

здѣсь уже сдѣлано: ученіе Евномія о Троицѣ (а этого только и касалось его заблужденія) обличено въ цѣломъ и частности; Апологетикъ разобранъ и опровергнутъ; для дальнѣйшихъ книгъ противъ Евномія, если бы Василій предполагалъ ихъ писать, съ точки зрѣнія намѣченныхъ имъ цѣлей, не оставалось уже содержанія.—Въ совершенно иной кругъ интересовъ мы входимъ, прочитывая четвертую и пятую книги. Хотя, судя по заглавію, и эти книги направлены противъ Евномія, однако на самомъ дѣлѣ онѣ ведутъ борьбу не столько съ Евноміемъ, сколько съ аrianствомъ вообще, включая сюда и духоборство (македоніанство) ¹⁾ и даже фотиніанство ²⁾. Объ апологетическомъ сочиненіи Евномія, составляющемъ главный предметъ полемики св. Василія, здѣсь нѣтъ и помину; самое имя Евномія упоминается въ послѣднихъ двухъ книгахъ только четыре раза ³⁾, при чемъ это упоминаніе рѣдко связывается съ какимъ-либо опредѣленнымъ мнѣніемъ, дѣйствительно принадлежащимъ Евномію. Авторъ послѣднихъ двухъ книгъ не ставитъ себя ни въ какое отношеніе къ содержанію первыхъ трехъ; онъ преслѣдуетъ свои, самостоятельныя цѣли и хочетъ разобрать не одни воззрѣнія Евномія, и не его сочиненіе, но все кажушіяся ему заслуживающими вниманія доводы аrianства. Онъ имѣетъ предъ собою болѣе широкій кругъ противниковъ, чѣмъ первыя три книги, и потому въ своемъ сочиненіи снова обсуждаетъ ученіе о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ, т. е. дѣлаетъ то, что св. Василіемъ было уже выполнено въ отношеніи къ Евномію во второй и третьей книгахъ. Если теперь все пять книгъ противъ Евномія признать однимъ цѣльнымъ произведеніемъ Василія, то спрашивается: зачѣмъ было нужно св. Василію измѣнять задачи и методъ своихъ разсужденій въ двухъ послѣднихъ книгахъ,—и притомъ, какъ увидимъ, измѣнять къ худшему,—если они составляютъ прямое продолженіе первыхъ трехъ? зачѣмъ было ему возвращаться къ разсмотрѣнію тѣхъ же самыхъ вопросовъ, рѣчь о которыхъ была закончена въ первыхъ трехъ?

¹⁾ См. напр. отдѣлъ о томъ, что Духъ Св. не тварь. Тв. Вас. Вел., ч. 3, стр. 146 слл.

²⁾ Тв. св. Вас. Вел. ч. 3, стр. 139.

³⁾ Тамже, стр. 131, 143 (дважды), 150.

Ясно, что послѣднія двѣ книги представляютъ собой не продолженіе первыхъ трехъ, а особый, самостоятельный трудъ, написанный совсѣмъ по иному плану и въ иныхъ видахъ, чѣмъ первыя три книги. Какъ самостоятельное сочиненіе, четвертая и пятая книги носятъ въ рукописяхъ и особый заголовокъ, отличный отъ надписанія первыхъ трехъ. Подлинное твореніе Василія Великаго, обнимающее первыя три книги, всегда имѣетъ одно и тоже надписаніе, вполне отвѣчающее его содержанию, а именно: „*Ἀνατρεπτικός τοῦ δοξασθεῖος Ἐβνομίου*“, т. е. Опроверженіе апологетика нечестиваго Евномія“. Послѣдніе же двѣ книги въ болѣе цѣнныхъ манускриптахъ надписываются такъ: „*Ἀντιορητικός κατ' Ἐβνομίου*“, т. е. Возраженія противъ Евномія“,—и, слѣдовательно, по самому заглавію имѣютъ своей задачей не разборъ одного сочиненія Евномія, какъ первыя три, но вообще опроверженіе всего лжеученія, связаннаго съ его именемъ.

Будучи самостоятельнымъ сочиненіемъ, отличнымъ по своей задачѣ и содержанию отъ трехъ подлинно-Василіевыхъ книгъ противъ Евномія, четвертая и пятая книга не могутъ быть приписаны Василію и въ качествѣ особаго, вторичнаго или дополнительнаго, труда противъ того же лжеучителя. Правда, изъ нѣкоторыхъ заявленій самого Василія видно, что онъ не считалъ свою полемику съ Евноміемъ законченною первыми тремя книгами. Кромѣ опроверженія Евноміева Апологетика, онъ хотѣлъ дать еще разборъ свидѣтельствъ изъ св. Писанія, какія приводилъ лжеучитель въ подтвержденіе своихъ заблужденій. Такъ, по поводу Дѣян. 2, 36 („да разумѣетъ весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть“) Василій пишетъ: „впрочемъ, это (т. е. неправильное пониманіе Евноміемъ указаннаго изреченія) мы докажемъ *послѣ*, когда будемъ обличать Евномія въ приведеніи свидѣтельствъ, не согласныхъ съ намѣреніемъ Духа 1)“. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, по случаю Притч. 8, 22 („Господь создамя“) замѣчаетъ: „я намѣренъ предложить изслѣдованіе о худо понимаемыхъ имъ изреченіяхъ *съ особомъ мѣстѣ*, гдѣ и сія часть (т. е. Притч. 8, 22), если дастъ Богъ, будетъ разсмотрѣ-

1) Твор. св. Васил. Вел. ч. 3, стр. 54

рѣна ¹⁾“. Нельзя-ли думать, что теперешнія четвертая и пятая книга и являются этимъ обѣщаннымъ трудомъ Василия, восполняющимъ опущенное въ первыхъ трехъ? На первый взглядъ такое предположеніе можетъ показаться какъ нельзя болѣе удачнымъ. Четвертая книга въ отдѣлѣ 133—145 стр. русскаго перевода и содержитъ въ себѣ именно разборъ изреченій Св. Писанія, находившихся въ постоянномъ обращеніи у аріанъ въ качествѣ доводовъ, подтверждающихъ ихъ ученіе. Здѣсь же подвергаются разсмотрѣнію и упомянутыя выше свидѣтельства Дѣян. 2, 26 и Притч. 8, 22, обсужденіе которыхъ Василиій отложилъ до особаго мѣста. Однако, какъ ни близко это предположеніе, какъ ни желательно было бы послѣднія двѣ книги противъ Евномія отождествить съ обѣщаннымъ самимъ Василиемъ дополнительнымъ разборомъ заблужденій Евномія, для такого отождествленія на самомъ дѣлѣ не оказывается никакихъ основаній. Во первыхъ, если бы высказанное предположеніе было справедливо, если бы четвертая и пятая книги дѣйствительно представляли собой обѣщанное Василиемъ обличеніе несогласнымъ съ намѣреніемъ Духа Евноміевыхъ толкованій, тогда слѣдовало бы ожидать, что самъ Василиій гдѣ-нибудь въ этихъ книгахъ далъ бы читателямъ ихъ указаніе на это. Ничего подобнаго въ послѣднихъ двухъ книгахъ не находимъ: здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго намека, ни одного даже какого-нибудь косвеннаго, отдаленнаго упоминанія о томъ, чтобы эти книги были именно выполненіемъ обѣщанія, даннаго въ первыхъ трехъ. Во-вторыхъ, разборъ свидѣтельствъ, приводимыхъ аріанами изъ Св. Писанія, въ четвертой и пятой книгахъ, какъ мы видѣли, есть; но онъ обнимаетъ всего $\frac{1}{3}$ часть цѣлаго ихъ содержанія, остальные же $\frac{2}{3}$ части посвящены критикѣ основныхъ понятій аріанства, что Василиемъ было выполнено въ первыхъ трехъ книгахъ и возвращаться къ чему для него не было никакой надобности. Далѣе, „въ особомъ мѣстѣ“ Василиій обѣщаль дать разборъ изреченій, приводимыхъ именно Евноміемъ, а авторъ послѣднихъ двухъ книгъ разсматриваетъ не свидѣтельства только Евномія, о которомъ въ этомъ отдѣлѣ онъ совсѣмъ и не упоминаетъ, но все вообще тексты Св. Писанія, быв-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 80.

шіе въ ходу у противниковъ православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Такъ напр. онъ проходитъ молчаніемъ Іоанн. 20, 17 („Иду къ Богу Моему“), на которое ссылался Евномій въ своемъ Апологетикѣ ¹⁾, и наоборотъ обсуждаетъ изреченіе Мр. 10, 12 („никтоже благъ“) ²⁾, не встрѣчающееся въ Апологетикѣ. Значитъ, и здѣсь, въ этомъ отдѣлѣ разбора изреченій, авторъ послѣднихъ двухъ книгъ преслѣдуетъ свои, самостоятельныя задачи, а не тѣ, какия намѣчалъ Василій для обѣщаннаго особаго изслѣдованія. Наконецъ,—и это особенно важно,—текстъ изъ Притч. 8, 22, разъяснить который предполагалъ Василій въ особомъ мѣстѣ, въ четвертой книгѣ приводится, какъ увидимъ ниже, съ иной орѳографіей и инымъ значеніемъ, чѣмъ у Василія, а Дѣян. 2, 26 объясняется только мимоходомъ, несравненно кратче и слабѣе, чѣмъ въ данномъ уже у Василія толкованіи во второй книгѣ ³⁾. Такимъ образомъ, и та единственная часть содержанія послѣднихъ двухъ книгъ, которая еще можетъ быть поставлена въ нѣкоторую внѣшнюю связь съ первыми тремя, показываетъ, что онѣ,—эти книги,—не отвѣчаютъ обѣщаніямъ Василія, даже противорѣчатъ имъ и, потому, не могутъ быть признаны произведеніемъ его пера.

Если кому-нибудь представленныя доводы покажутся мало убѣдительными для того, чтобы увѣриться въ непринадлежности Василію послѣднихъ двухъ книгъ противъ Евномія, то мы имѣемъ еще цѣлый рядъ другихъ наблюденій, исключаящихъ самую мысль объ авторствѣ Василія. Среди этихъ наблюденій первое мѣсто занимаютъ особенности языка и стилия четвертой и пятой книгъ. Что касается до языка, то ученые, изучавшіе эти книги сравнительно съ подлинными твореніями Василія Великаго, нашли въ нихъ много такихъ словъ и выраженій, которыя ни разу не встрѣчаются въ несомнѣнно принадлежащихъ этому отцу сочиненіяхъ и оказываются совершенно чуждыми его литературному языку ⁴⁾. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ о подлинности того или дру-

¹⁾ См. въ изданіи твореній Св. Вас. бенедиктинцевъ, т. I, pars 2, pag. 901.

²⁾ Твор. Вас. Вел., ч. 3, стр. 138.

³⁾ Относительно Дѣян 2, 26 ср. Тв. Вас. Вел., ч. 3, стр. 52—54 и стр. 141.

⁴⁾ См. Praefatio Harnieri, § XI.

гаго памятника древности этотъ доводъ, основанный на анализѣ лексическаго запаса и грамматическихъ оборотовъ изучаемаго произведенія, цѣнится очень высоко. Но въ виду его специально филологическаго характера мы не будемъ входить здѣсь въ подробное изложеніе его и обратимся къ разсмотрѣнію стиля четвертой и пятой книгъ, свойства котораго открыты наблюденію каждаго читателя этихъ книгъ даже въ русскомъ переводѣ. Стилъ Василія Великаго хорошо извѣстенъ не только по первымъ тремъ книгамъ его противъ Евномія, но и изъ многихъ другихъ, сохранившихся до насъ подлинныхъ его твореній. Воспитанникъ самыхъ лучшихъ школъ своего времени, получившій превосходное литературное образованіе, Василій владѣлъ слогомъ, стоявшимъ на высотѣ требованій блиставшаго ораторскими талантами IV вѣка. О выдающихся достоинствахъ языка Василіевыхъ твореній лучший отчетъ даетъ патриархъ Фотій, рѣдкій знатокъ греческой литературы языческаго и христіанскаго періода. „Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ,—говоритъ Фотій,—великій Василій превосходенъ; онъ владѣетъ, какъ никто другой, языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ и силѣ мысли—за нимъ первое мѣсто; убѣдительность онъ соединяетъ съ пріятностью и ясностью; рѣчь его плавна, какъ потокъ, свободно вышедшій изъ своего источника. Если кто хочетъ быть отличнымъ гражданскимъ ораторомъ, то не нуженъ ему ни Демосѣнъ, ни Платонъ: пусть только приметъ себѣ за образецъ Василія ¹⁾“. Литературная сторона первыхъ трехъ книгъ противъ Евномія вполне отвѣчаетъ этой характеристикѣ стиля Василія. Онѣ написаны безукоризненнымъ, плавнымъ и изящнымъ языкомъ, одинако далекимъ какъ отъ утомительнаго повторенія однообразныхъ оборотовъ, такъ и отъ искусственной пестроты риторическихъ приемовъ. Мысль движется въ неуклонной логической послѣдовательности, не удаляясь въ сторону и не допуская неожиданныхъ скачковъ отъ одного предмета къ другому. Каждое понятіе, каждый доводъ излагаются точно и ясно, и каждое богословское положеніе исчерпывается въ возможной полнотѣ и всесторонности. Читателю первыхъ трехъ книгъ нѣтъ надобности усиленно па-

¹⁾ Biblioth., ec. 141—143

прятать свое вниманіе, чтобы уловить логическую силу Василіевой аргументаціи: его доказательства построены съ такою отчетливостью и убѣдительностью, что безъ всякаго напряженія укладываются въ сознаніи читающаго и невольно увлекають его за собой. Короче говоря, каждая литературная подробность первыхъ трехъ книгъ показываетъ въ авторѣ ихъ опытнаго стилиста, у котораго языкъ является не только послушнымъ орудіемъ мысли, но и художественнымъ ея выраженіемъ.— Совсѣмъ обратное впечатлѣніе производятъ собой стилистическія особенности четвертой и пятой книгъ. Переходя непосредственно отъ первыхъ трехъ книгъ къ четвертой, читатель уже на первыхъ страницахъ ея невольно начинаетъ чувствовать досаду на автора, пренебрегающаго всѣми требованіями литературнаго стиля. Плавная, увлекающая рѣчь Василія, съ первыхъ строкъ этой книги, сразу смѣняется отрывочнымъ наборомъ условныхъ періодовъ, убивающихъ всякое вниманіе своимъ однообразіемъ. Ознакомившись съ первыми пятью—шестью страницами ея (по подлиннику или по русскому переводу—это все равно), можно подумать, что писавшій ихъ иначе и не можетъ выражаться, какъ только при помощи условнаго періода. Въ русскомъ переводѣ четвертая книга противъ Евномія занимаетъ всего 28 страницъ самаго умѣреннаго формата, но мы насчитали въ ней 152 фразы, начинающіяся съ союза: „если“, и при этомъ не ручаемся, что сосчитали всѣ. Могъ-ли писать такимъ неуклюжимъ слогомъ св. Василій?—ясный отвѣтъ на это даютъ какъ подлинныя его сочиненія, такъ и отзывы о томъ его современниковъ. — Указанный недостатокъ языка четвертой и пятой книгъ, впрочемъ, не былъ бы такъ ощутителенъ, если бы наполняющіе ихъ непрерывною цѣпью условные періоды стояли между собой въ тѣсной внутренней связи по содержанію, развивая какую-либо одну общую мысль или положеніе. На дѣлѣ же не наблюдается и этого. Напротивъ, каждый періодъ является самостоятельнымъ цѣлымъ, заключаетъ свое возраженіе или доказательство и не имѣетъ никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Авторъ старается лишь о томъ, чтобы набрать какъ можно больше аргументовъ, торопливо нанизываетъ ихъ одинъ за другимъ, ни мало не заботясь о внутреннемъ ихъ соотношеніи. Отсюда и обѣ послѣднія книги,—

въ противоположность первымъ тремъ, отличающимся выработанностью плана и послѣдовательностью изложенія,— получаютъ видъ какого-то беспорядочнаго сборника всевозможныхъ возраженій противъ арианства, изложенныхъ скорѣе по ассоціаціи, чѣмъ по требованію логики, — „rudis et incomposita argumentorum collectio“, какъ назвалъ эти книги Маранъ ¹⁾, пытавшійся защитить ихъ подлинность. — Наконецъ, если разсмотрѣть съ стилистической стороны каждый періодъ въ отдѣльности, то нельзя не замѣтить, что авторъ ихъ не проявляетъ ни малѣйшей заботливости ни въ выборѣ словъ и выраженій, ни въ формулировкѣ своей мысли. Въ то время какъ Василій всюду стремится изложить свой доводъ въ возможной полнотѣ и точности, предлагая логическое опредѣленіе понятій, вводя всѣ необходимыя дополнительныя разъясненія, авторъ четвертой и пятой книгъ выражается такъ, какъ будто онъ пишетъ замѣтки только для себя самаго, не принимая во вниманіе интересовъ читателя. Его терминологія не всегда обдуманна и удачна, и его слогъ настолько отрывистъ и сжатъ, что часто требуетъ отъ читателя большаго умственного усилія, чтобы уловить логическій смыслъ аргументаціи. Оцѣнивая эту сторону стиля четвертой и пятой книгъ, Гарнье говоритъ: „мнѣ кажется, я слышу картаващаго грека..., или лучше спрошу: — варваръ или скиѣ такъ безсвязно и безъ вкуса говоритъ!“ И въ другомъ мѣстѣ, приведя одинъ изъ доводовъ четвертой книги ²⁾, тотъ же ученый замѣчаетъ: „и самъ Эдинъ, полагаю, не легко рѣшить, что значать эти слова“ ³⁾. Допустимъ, что приговоръ Гарнье чрезчуръ суровъ, но если и половина того, что имъ сказано справедлива, то несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ Василіемъ.

Переходя отъ стиля и языка четвертой и пятой книгъ къ содержанію ихъ, мы и здѣсь находимъ не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о непринадлежности ихъ Василію. Внимательное изученіе этихъ книгъ въ сравненіи съ тремя под-

¹⁾ См. Vita Basilii, c. LXV, 7.

²⁾ Вотъ этотъ доводъ: „Если есть на то воля Отца, чтобы мы вѣровали въ Сына Его (Юан. 6, 40), то Сынъ—не Сынъ воли: иначе окажется, что мы вѣруемъ въ него или вмѣстѣ съ нимъ, или прежде Его (Твор. ч. 3, 137)“.

³⁾ Harnieri Prefatio, § XI.

лино—Василіевыми показываетъ, что авторъ ихъ стоитъ на совершенно иной полемической позиціи, чѣмъ Василій, что онъ пользуется совсѣмъ другими приемами доказательствъ и высказываетъ такіе взгляды и сужденія, которые не раздѣлялъ и даже прямо отвергалъ св. Василій. Давно уже замѣчено было, что списокъ священнаго Писанія, принадлежавшій автору четвертой и пятой книгъ, былъ отличенъ отъ того, какимъ пользовался Василій въ своихъ сочиненіяхъ вообще, и въ первыхъ трехъ книгахъ противъ Евномія въ частности. Здѣсь цитируется напр. вторая книга Ездры ¹⁾, на которую нигдѣ не ссылается Василій. Изреченія священныхъ писателей приводятся свободно, съ измѣненіемъ подлинныхъ выраженій, часто только по мысли, хотя во всѣхъ такихъ случаяхъ неизмѣнно ставится отмѣтка: „по написанному (*κατὰ τὸ γεγραμμένον*)“ или: „какъ написано (*ὡς γέγραπται*)“, предполагающая буквальное воспроизведеніе цитируемаго ¹⁾,—чего никогда не позволялъ себѣ Василій. Нѣкоторые мѣста каноническихъ книгъ, и притомъ такіа, которыя имѣли особенно значеніе для полемики съ арианствомъ, цитируются иначе, чѣмъ у Василія, или на нихъ даются толкованія, совершенно несогласныя съ воззрѣніями, высказанными въ первыхъ трехъ книгахъ. Словомъ, авторъ четвертой и пятой книгъ всюду ведетъ дѣло такъ, что на каждомъ шагу доставляетъ новыя доказательства невозможности отождествить его въ Василіемъ. Можно было бы привести много примѣровъ того, какъ часто сужденія четвертой и пятой книгъ расходятся съ тѣмъ, что изложено въ трехъ подлинно—Василіевыхъ книгахъ, но для подтвержденія сказаннаго мы ограничимся лишь тѣми мѣстами, гдѣ это разногласіе между обоими сочиненіями наблюдается наиболѣе ярко, доходя иногда до противорѣчія. Такъ, изреченіе Притч. VIII, 2 въ четвертой книгѣ противъ Евномія цитируется съ иной орфографіей и изъясняется иначе, чѣмъ у Василія. Авторъ четвертой книги воспроизводитъ его

¹⁾ Вотъ два такихъ примѣра: „единъ Духъ Святыи, истинно Святыи Духъ, *по написанному*, съ Отцомъ и Сыномъ прославляемый (Тв., ч. 3; 161)“. Еще: „*по написанному*, жизнь есть Духъ, совершитель небесныхъ силъ (тамже, стр. 157)“. Соответственныхъ этимъ цитатамъ мѣстъ въ Св. Писаніи нѣтъ.

слѣдующимъ образомъ: *Κύριος ἔκτισέ με* т. е. Господь *создалъ* меня ¹⁾, между тѣмъ св. Василій во второй книгѣ противъ Евномія прямо отклоняетъ это чтеніе, какъ недостаточно основательное. „Другіе переводчики (т. е. Аквила, Симмахъ и Θεοδοσίονъ),—говоритъ онъ,—точнѣе выкинувъ въ значеніе еврейскихъ словъ, вмѣсто: *создалъ* перевели: *стяжалъ* (*ἐκτίσαστο*)“ ²⁾, т. е. по его мнѣнію, мѣсто изъ Притч. 8, 22 нужно читать такъ: „*Κύριος ἐκτίσαστό με*—Господь *стяжалъ* меня“. Различіе это не случайно, такъ такъ оно опредѣляетъ собой зависящій отъ него полемическій аргументъ. Извѣстно, что указанное изреченіе Притч. 8, 22 было въ большомъ ходу среди арианъ; принимая его въ той орѳографіи, въ какой оно приводится въ четвертой книгѣ противъ Евномія, ариане на основаніи его утверждали, что *Ἰνσπασная Премудрость* (или Сынъ Божій), отъ лица которой сказаны слова Притч. 8, 22.—есть *κτίσμα, тварь*. Каждый православный полемистъ, кто бы онъ ни былъ, обязывался точно опредѣлить свое отношеніе къ этому тексту, чтобы ослабить и опровергнуть построенный на немъ доводъ арианства. Мы видимъ, что св. Василій рѣшаетъ дѣло радикально: отвергая правильность принятаго арианами чтенія, онъ однимъ, такъ сказать, взмахомъ разрушаетъ логическую силу ихъ довода. „Это (т. е. рекомендуемое имъ чтеніе: *ἐκτίσαστο*—*стяжа*),—замѣчаетъ онъ,—послужитъ для нечестивыхъ величайшимъ препятствіемъ къ поддержанію хульнаго выраженія: *созданіе*“. Автору четвертой книги этотъ рѣшительный аргументъ Василія, очевидно, былъ не извѣстенъ; иначе ему не было бы надобности, для опроверженія арианскаго толкованія, обращаться къ окольному и менѣе надежному пути, доказывая, что Притч. 8, 22 относится не къ Божеству Сына Божія, а къ вочеловѣченію Его. Подобное же различіе между авторомъ двухъ послѣднихъ книгъ и Василіемъ наблюдается еще въ отношеніи къ Быт. IV, 1. У перваго этотъ стихъ читается такъ: „*ἐκτίσαστην ἄνθρωπον διὰ θεοῦ*—*создалъ* челоуѣка Богомъ“ ³⁾; Василій же и здѣсь принимаетъ чтеніе чрезъ η, — т. е. читаетъ: „*ἐκτιήσαστην ἄνθρωπον διὰ θεοῦ*“. „Ибо, — до-

¹⁾ Твор. Вас. Вел., ч. 3, стр. 14)

²⁾ Тамже, стр. 80.

³⁾ Твор. Вас. Вел. ч. 3, стр. 14)

бавляетъ онъ,—сказавшій: *стяжалъ* человека Богомъ, очевидно употребилъ слово не потому, что создалъ (*οὐχὶ κτίσας*) Каина, но потому что родилъ его“¹⁾. Василій Великій, такимъ образомъ, прямо отрицаетъ то чтеніе, какому слѣдуетъ авторъ послѣднихъ двухъ книгъ. Еще яснѣе невозможность приписать послѣднія двѣ книги авторству св. Василія выступаетъ въ тѣхъ толкованіяхъ, какія даются въ нихъ на разныя мѣста Св. Писанія. Четвертая книга часто обсуждаетъ тѣже самыя изреченія священныхъ писателей, которыя изслѣдуются и Василюемъ въ его первыхъ трехъ книгахъ противъ Евномія, но обсуждаетъ ихъ въ совершенно иномъ, а иногда и прямо противоположномъ направленіи. Изъ многихъ примѣровъ этого рода наиболѣе классическимъ можетъ служить экзегезисъ Іоан. XIV, 28: „Отецъ Мой боліи Мене есть“. Изъясненію этого мѣста св. Василій посвящаетъ весь конецъ своей первой книги противъ Евномія и, послѣ тщательнаго изслѣдованія возможныхъ его пониманій, приходитъ къ тому выводу, что Отецъ названъ болшимъ Сына только въ смыслѣ причины Его бытія. „Остается заключить,—говоритъ онъ, отвергнувши ложныя толкованія,—что слово: боліи сказано въ значеніи причины. Поелику начало Сыну отъ Отца, то Отецъ и боліи, какъ виновникъ и начало (*ὡς ἄκτιος καὶ ἀρχή*). Потому и Господь сказалъ такъ: Отецъ Мой боліи Мене есть, то есть, поскольку Онъ Отецъ, ибо слово: Отецъ что иное означаетъ, какъ не то, что Онъ вина и начало рожденному отъ него“. На этомъ толкованіи Василій настаиваетъ съ особою силой, такъ что чрезъ нѣсколько строкъ послѣ приведенной выдержки онъ еще разъ повторяетъ: „остается только нами сказанный способъ разумѣть слово: боліи въ значеніи начала и причины“²⁾. Очевиднѣйшимъ образомъ Василій устраняетъ всѣ другія толкованія этого евангельскаго изреченія, кромѣ предложеннаго имъ самимъ. Что же мы читаемъ у автора послѣднихъ двухъ книгъ противъ Евномія? И здѣсь мѣсто Іоан. XIV, 28 подвергается также подробному обсужденію, но выводъ получается какъ разъ обратный: „не больше (Отецъ Сына),—значится здѣсь,—

1) Тамже, стр. 80.

2) Твор. св. Вас. Вѣл., ч. 3, стр. 47, 48

и какъ причина (*οὐτε ὡς αἰτία*), потому что одинаково больше Его и насъ, если только такая же причина Его, какъ и насъ (!)“¹⁾ Нѣтъ нужды и говорить о томъ, можетъ-ли одинъ и тотъ же авторъ, и притомъ такой какъ св. Василиій, въ одномъ и томъ же сочиненіи, да еще полемическаго характера, дать столь противорѣчивыя, исключаютія другъ друга толкованія на текстъ, имѣвшій важное значеніе въ аргументаціи противника?—Чтобы еще нагляднѣе видѣть всю невозможность отождествить автора послѣднихъ двухъ книгъ съ св. Василиемъ, укажемъ на различія, наблюдаемыя между ними касательно догматической области. Правда, авторъ четвертой и пятой книгъ, какъ и Василиій, вообще говоря, стоитъ на почвѣ церковной, а потому и излагаемое имъ ученіе о св. Троицѣ, защитѣ котораго противъ аріанскихъ заблужденій посвящены его книги, вполне тождественно съ ученіемъ Василия. Но оставаясь вполне православнымъ по существу своихъ воззрѣній, исповѣдуя ту же вѣру въ единосущную Троицу, что и Василиій, авторъ разсматриваемыхъ книгъ вноситъ въ формулировку своего ученія такіе черты или оттѣнки, которые оставались совершенно чуждыми духу Василиева богословія и не могутъ быть усвоены ему. Таково ученіе четвертой и пятой книгъ о Св. Духѣ. Конечно, было бы напрасно искать въ этихъ книгахъ ясно выраженнаго ученія о *filioque*, какъ это дѣлаютъ иногда католическіе писатели; однако, Упостась Духа, по источнику Своего бытія, такъ сближается здѣсь съ Упостасью Сына, что предлагаемое въ нихъ ученіе о Св. Духѣ пріобрѣтаетъ характеръ, въ нѣкоторомъ отношеніи благоприятный для этого догмата. Такъ, Св. Духъ здѣсь называется „вѣчнымъ Духомъ Бога и Сына“²⁾, „глаголомъ Сына“³⁾; дважды утверждается, что „Духъ отъ Бога чрезъ Сына“⁴⁾ Если первые два выраженія о Духѣ и могутъ быть истолкованы, какъ богословская неточность, то послѣднее, дважды повторенное, включаетъ въ себѣ элементъ, несомнѣнно близкій къ *filioque*. Въ твореніяхъ же Василия Великаго не только буквально такого выраженія, но и по-

1) Тамже, стр. 134.

2) Твор. Вас. Вел., ч. 3, стр. 155.

3) Тамже, стр. 159.

4) Тамже, стр. 160. 164.

добнаго ему по мысли и формѣ, совѣмъ не встрѣчается. Впрочемъ, если въ приведенномъ примѣрѣ различіе между авторомъ послѣднихъ двухъ книгъ и Василиемъ касается лишь тонкаго и трудно уловимаго оттѣнка въ самомъ пониманіи догмата о Св. Духѣ, то въ области чисто терминологической оно выступаетъ со всею ясностью, снова доходя до такихъ же прямыхъ противорѣчій, образцы которыхъ мы только-что видѣли. Въ доказательство этого достаточно сослаться на употребленіе въ четвертой и пятой книгахъ термина: „рожденіе (*γέννησις*)“ въ приложеніи къ Сыну Божію. Терминъ: рожденіе вель церковное происхожденіе; имъ пользовались многіе знаменитые учителя древней церкви,—св. Афанасій Александрійскій, напр., предпочиталъ его даже наименованію „Сынъ“, такъ какъ, по его мнѣнію, терминъ этотъ менѣе давалъ поводовъ къ матеріальнымъ и чело­вѣкообразнымъ представленіямъ о рожденіи Сына Божія. Но когда на исторической сценѣ появилось аномѣство (=евноміанство), начавшее злоупотреблять словомъ: рожденіе, его догматическая пригодность сдѣлалась сомнительной. Евномій училъ, что сущность Бога (Отца) исчерпывается понятіемъ „нерожденности (*ἀγεννησία*)“, а сущность Сына опредѣляется рожденностью (*γέννησις*), и отсюда заключалъ, что Сынъ Божій по существу неподобенъ Отцу. Несложная диалектика Евномія, игравшая простыми понятіями нерожденности и рожденія, увлекала многихъ и окончательно дискретировала эту терминологию въ сужденіи защитниковъ православнаго ученія. Послѣдніе не только сами стали избѣгать употребленія терминовъ: нерожденный и рожденіе въ ученіи о св. Троицѣ, но и подвергнувъ ихъ осужденію, какъ недостаточно твердые и вразумительные, постепенно изгнали ихъ изъ богословскаго языка церкви. Св. Василій Великій въ своихъ трехъ книгахъ противъ Евномія еще не отказывается примѣнять наименованіе: нерожденный къ первой Упостаси св. Троицы, хотя и относится къ нему съ явнымъ неодобреніемъ. „Я бы сказалъ,—говоритъ онъ, имѣя въ виду собственно злоупотребленія этимъ словомъ со стороны Евномія,—что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе: нерожденный, которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однако нигдѣ въ Писаніи не употребляется и *служить первыиъ основаніемъ ихъ* (евноміанъ)

хулы“ 1). За то терминъ: рожденіе (*γέννησις*) онъ отвергаетъ со всею категоричностью. „Евномій, — пишетъ онъ, — называетъ Сына рожденіемъ. Откуда онъ взялъ это? отъ какого пророка? отъ какого апостола, который бы придалъ Сыну такое наименованіе? Я нигдѣ не нашелъ въ Писаніи этого выраженія, употребленнаго въ такомъ смыслѣ... Не крайнее-ли безуміе отваживаться на то, что не принято ни въ общемъ употребленіи, ни въ языкѣ Писанія? Божественное писаніе явно отвергается отъ него въ особенности въ отношеніи къ Единородному Сыну Божію. Апостолъ повсюду называетъ Господа Сыномъ, а также и другими различными именами., но избѣгаетъ названія: рожденіе 2)“. Св. Василій не только отвергаетъ это слово, какъ неизвѣстное языку Св. Писанія, онъ думаетъ еще, что по своему смыслу оно заключаетъ въ себѣ нѣчто низкое, педостойное Божества. „Слово: *γέννησις*—порожденіе,—говоритъ онъ,—рѣдко прилагается къ одушевленнымъ предметамъ... Порожденіемъ (*γέννησις*) можно назвать выкидышъ, не получившій образа. Порожденіями именуются и плоды земные. А гдѣ оно употребляется (объ одушевленныхъ предметахъ), тамъ говорится о такомъ животномъ, которое предано на поруганіе и представляется въ примѣръ злости. Ибо сказано змія—порожденія ехидны. По сему-то думаю, и общее употребленіе рѣчи находить это наименованіе низкимъ 3)“. Едва-ли можно высказаться болѣе рѣзко противъ умѣстности термина: рожденіе въ богословскихъ разсужденіяхъ о Сынѣ Божіемъ. Какъ же,—спросимъ опять,—поступаетъ авторъ четвертой и пятой книгъ? Онъ и не думаетъ отказываться отъ употребленія этого термина; на его языкѣ онъ очень обыченъ и на по-

1) Твор. Вас. Вел., ч. 3, стр. 16. 17.

2) Твор. Вас. Вел. ч. 3, стр. 58.

3) Тамже, стр. 60.—Позднѣе такой же рѣзкій протестъ вызвалъ противъ себя и терминъ: нерожденный. Въ діалогахъ о Св. Троицѣ, приписанныхъ св. Аванасію, но появившихся не ранѣе начала V вѣка, православный діалогистъ считаетъ этотъ терминъ пустымъ избобрѣтеніемъ мысли, потому что,—говоритъ онъ,—если Бога должно называть нерожденнымъ, ради того, что Онъ ни отъ кого не родился, то назови Его и невѣрующимъ, потому что Онъ ни въ кого не вѣруеть, назови и нечестивымъ, потому что Онъ никого не почитаетъ“.—Dial. II; Schulze, Beati Theodoretii opera. V, p. 955.

нятіи, имъ выражаемомъ, онъ построляетъ многіе свои доводы противъ аріанства. „Если Сынъ—рожденіе, — шшетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—то не какъ одно изъ обыкновенныхъ рожденій; всякое же обыкновенное рожденіе есть тварь, то Сынъ не тварь, потому что Онъ не такое же рожденіе, какъ послѣднія (... слѣдовательно, все-же рожденіе ¹⁾“. Или еще: „если называя Сына тварью, они (аріане) не говорятъ, что Сынъ одна изъ тварей, то почему, когда *мы называемъ Сына рожденіемъ (γέννησις)*, разумѣютъ, что Сынъ одно изъ рожденій ²⁾“. Противорѣчіе между двумя писателями въ области терминологіи дальше идти, очевидно, не можетъ.

Сопоставляя все сказанное объ особенностяхъ четвертой и пятой книгъ противъ Евномія по сравненію съ первыми тремя, несомнѣнно Василіевыми книгами, мы видимъ, что онѣ ни по своей задачѣ и плану, ни по языку и стилю, ни по частнымъ сужденіямъ, высказываемымъ въ нихъ, не могутъ быть приписаны авторству св. Василія Великаго. Онѣ представляютъ собою произведеніе *ложнонадписанное* (opus pseudepigraphum) т. е. принадлежащее совершенно другому автору, неудачно скрывшемуся (или скрытому) подъ именемъ Василія и обличающему себя какъ общимъ характеромъ, такъ и всѣми подробностями своего труда. Кто же былъ этотъ авторъ?

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Спасскій.

¹⁾ Твор. Вас. Вел., ч. 3, стр. 139

²⁾ Тамже, стр. 119.